

УДК 373.3(47-87)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-40-64

Между памятью и улицей: букварь в русской эмиграции как литература (не)возврата

Наталья Б. Баранникова

*Академия социального управления, Московская область,
Россия, barannikova@mail.ru*

Виталий Г. Безрогов

*Институт стратегии развития образования РАО,
Москва, Россия, bezrogov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены учебники для начального обучения, изданные на русском языке в 1920–1930-х гг. в русском зарубежье: Германии, Эстонии и Польше. Рассмотрены предлагаемые в них решения вопроса о нахождении педагогами эмиграции своего места в образовательном контексте стран рассеяния: от учебника как заповедного места для культуры, вывезенной с родины, до учебника, в той или иной степени налаживавшего диалог с окружающим русскоязычным меньшинством основным населением. Полученные результаты дополняют исторические реконструкции культуры российской эмиграции первой волны и одновременно могут быть учтены при исследованиях культурной трансмиссии в различных других эмигрантских и меньшинственных сообществах.

Ключевые слова: букварь, начальное обучение, эмиграция, беженцы, Е. Акинфиева, З. Дормидонтова, К. Кириллов, С. Павлович

Для цитирования: Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. Между памятью и улицей: букварь в русской эмиграции как литература (не)возврата // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 40–64. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-40-64

Memory and/or the street? Russian émigré textbooks as (non)return literature

Natalya B. Barannikova

Academy of Public Administration, Moscow region, Russia, barannikova@mail.ru

Vitaly G. Bezrogov

*History of Education Dept, Institute for Strategy and Theory of Education,
Moscow, Russia, bezrogov@mail.ru*

Abstract. In the article the Russian textbooks for primary education, compiled and published by Russian refugees and minorities outside Russia in Germany, Estonia and Poland in the 1920s – 1930s were analyzed. The proposed solutions to define émigré teachers their places in the educational context of the host countries have been considered. We reconstruct the wide spectrum of such educational projects from the textbook as a protected place for émigré heritage culture, taken from the homeland, to the textbook, in varying degrees trying to establish a dialogue with the majority population surrounding Russian-speaking minority. The results could be used in the historical reconstructions of the culture of Russian emigration of the first wave and at the same time can be taken into account in the study of cultural transmission within various other emigrant and minority communities.

Keywords: primer, elementary education, emigration, refugees, Evgeniya Akinfieva, Zinaida Dormidontova, K. Kirillov, Sergej Pavlovich

For citation: Barannikova NB., Bezrogov VG. В памочку Memory and/or the street? Russian émigré textbooks as (non)return literature. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2019;8:40-64. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-40-64

Введение: «сердце имеет свои резоны»¹

В том случае, когда учебник создается людьми, оказавшимися вне родины, культуропорождающая функция учебника подчас виднее. На родине культура рождает язык и обучение. В эмиграции, наоборот, язык и обучение рождают культуру [2–6]. Аналогичные процессы наблюдаются и у внезапно возникающих меньшинств, когда, например, часть большого государства обретает самостоятельность и представители господствовавшего этноса понижаются в статусе до меньшинства. Учебник в эмиграции или

¹ Фраза С. Холла [1 с. 223].

замораживает память и культуру предшествующего времени, или развивает ее на новом месте в диалоге с соседями. Проблема включения или исключенности эмигрантов из культуры страны пребывания, степени замкнутости эмигрантских сообществ, судьбы этих сообществ и успешности индивидуальных биографических стратегий их членов напрямую зависит от сохранения, трансформации, передачи культурных ценностей, групповой памяти, образов поведения, отношения к языку утраченной родины, от грамотности и ориентации в текстах ее литературно-дидактического канона [7]. Учебник во многом определяет характер, удельный вес, направления и структуру взаимодействий подрастающего поколения с эмигрантским либо меньшинственным микросообществом группы и с макросообществом принявшей эмигрантов страны. Учебники могут интегрировать в макросоциум и входящие в него микросоциумы (подавляя или развивая связь с ними), а могут интегрировать в микросоциум вне его связи с макросоциумом. В связи с этим изучение учебников, подготовленных эмигрантами и меньшинствами для собственных детей, представляет важную и многомерную научную задачу для истории роли образования в (дис)адаптации беженцев, а также для интерпретации современных проблем в обучении мигрантов традициям разных культур, билингвизма, приобретения гибкой, переходной или мультикультурной идентичности². Результаты ее решения могут быть полезны как для исследователей и авторов учебников, так и для культурологов, социологов и психологов при изучении культурной трансмиссии среди мигрантов и поиске новых проектов их адаптации, интеграции либо инклюзии в контексте образования и культуры страны пребывания.

В данной статье прослежены четыре типичных случая в русскоязычном эмигрантском учебном книгоиздании 1920–1930-х гг. Рассмотрены только учебники для начального обучения грамоте как наиболее нагруженные общекультурным, а не специально предметным материалом. При их анализе использованы различные методы генетического, текстологического, лингвистического,

² Изучение идентичности не как сущности, а как в культурном калейдоскопе создаваемой позиции, речевых биографий в мультилингвальном и поликультурном пространстве, самоназваний эмигрантских групп, особенностей в развитии родного языка и применении языка страны пребывания и многих аналогичных вопросов можно напрямую связать с теми учебными текстами, которые распространяются в том или ином поколении и для изучения как своего языка, так и языка большинства, но одновременно и как руководства по нахождению и репрезентации идентичностей.

нарративного, дискурсного, терминологического контент-анализа, а также методы визуальных исследований. Сформировано понимание спектра возможностей русскоязычного учебного книгоиздания, его конкретно-исторических вариантов, его участия в истории эмигрантского образования и участия в жизни русскоязычных меньшинств в Германии, Эстонии, Польше.

Букварь «Хочу читать!» Е. Акинфиевой, опубликованный в Берлине в 1922 г.³, создавал атмосферу «заповедника памяти». Основной контент пособия строился на основе образов и культурных традиций утраченной родины. «Азбука» З. Дормидонтовой, изданная в Ревеле в 1921 г.⁴, искала пути диалога русскоязычного населения с окружением. «Русская азбука» К. Кириллова⁵ и «Русская грамота» С. Павловича⁶, вышедшие в Польше в 1930-е гг., предложили гибридные варианты путей поиска эмигрантским меньшинством своего места в образовательном поле. Они так или иначе учитывали соседство иноязычных культур.

Поиски шли в пространстве между учебником как инструментом социальной инклюзии в контекст страны пребывания и учебником как средством социальной эксклюзии, созидающим заповедный остров ради возврата в состав титульного большинства родины [8,9]. Удельный вес изданий для детей и учебников в эмигрантском мире был значительно больше того места, которое им обычно уделяется в литературе по эмигрантике [10–20]. Содержание всех пособий опиралось на словарь и образы, свойственные России до 1917 г. Однако они по-разному настраивали ребенка на восприятие потерянного наследства, сохраняемого наследия или находимого в обучении контакта с будущим.

³ Акинфиева Е. Хочу читать! 1-е изд. Берлин: А. Терне, 1922. 64 с.; *Она же*. Хочу читать! 2-е изд. Берлин: О. Кирхнер и Ко, 1922. 62 с.

⁴ Дормидонтова З.Н. Азбука. Ревель: Варрак, 1921. 80 с.

⁵ Кириллов К.М. Русская азбука в картинках. Варшава: Л. Индицкий, 1930. 64 с.

⁶ Павлович С.К. Русская грамота для школы и семьи: Букварь для обучения письму и чтению, составленный по новейшему методу и по новой орфографии, с указанием особенностей старой орфографии. Вильно: Культурно-просветительная комиссия Совета Союза русских меньшинственных организаций в Польше, 1936. 112 с.; *Он же*. Русская грамота для школы и семьи: Букварь для обучения письму и чтению, составленный по новейшему методу и по новой орфографии, с указанием особенностей старой орфографии. 2-е изд. Вильно: Культурно-просветительная комиссия Совета Союза русских меньшинственных организаций в Польше, 1938. 112 с.

*Германия: монолог букваря «Хочу читать!»
Евгении Акинфиевой*

О биографии Евгении Акинфиевой мы, к сожалению, ничего не знаем: ни отчества, ни дат жизни. Она учительствовала в эмигрантском Берлине в 1920-х гг. По-видимому, эмигрировала в Германию примерно в 1919–1920 гг. Тема эмигрантов отражена специально в ее букваре. К букве «э» дано слово «эмигрант», а в виде фразы для первого чтения его краткое определение: «Эмигранты живут за пределами своего отчества». В иллюстрации к этому слову изображена семья эмигрантов. Двое взрослых и двое детей пешком пересекли границу, оставив и землю, и православную церковь (изображена вдалеке). Взрослые отдыхают на обочине грунтовой дороги. Дети играют в пыли рядом. Автор адресует свой учебник беженцам с родины. Акинфиева принадлежала к «полным» эмигрантам, сознательно поменявшим страну проживания из-за несовместимости с установившимся на родине новым политическим режимом. Ей необходимо было и лично, и профессионально вновь найти себя. Она создает «остров русскости» в эмигрантском городе.

Букварь «Хочу читать!» в Берлине был издан в 1922 г. дважды – сначала в старой, потом в новой орфографии. Его популярность и одновременный переход к новому письму обусловили многочисленные просьбы пользователей о переиздании учебника по обновленным правилам. Перемена орфографии не означала перемены позиции автора в отношении жизни эмигрантов в Германии. Ее учебник направлен на сохранение в ребенке культуры утраченной страны, на воссоздание в детях «как тогда» ради возврата в «тогда», когда оно снова наступит.

Уже обложка учебника устанавливает связь ребенка не с повседневной жизнью в эмиграции, но с его далекой родиной. Изображены читающие девочка и мальчик в окружении средне-русской природы. Они сидят на опушке. Мальчик в матроске, принятой в дворянских семьях. Девочка, которую он обнимает, в крестьянском сарафане или платье. Оба читают учебник, в который с неба падают прилетевшие «из-за моря» с родины кириллические буквы. Каждую приносит предмет, с нее называющийся. Алфавит объединяет учеников со всем мирозданием: небом, землей, водой, полем, лесом, чтением, культурой. Чтение на родном языке гармонизирует мир и превращает его в возрожденную Россию. Оно возвращает своих людей, их речь и соответственно культуру и бытие в еще нетронутую большевиками страну.

Букварь нацелен на рассказ и показ только «русскости». Автор пишет в предисловии:

Книга выходит в то время, когда дети, которые будут по ней изучать грамоту, уже 3–4 года как являются оторванными от своей родины и следовательно ее почти не знают. При таких обстоятельствах перед автором стала задача... показать ребенку в словах и изображениях по возможности лишь русскую жизнь, пробудить его интерес к родной земле и облегчить в этом отношении родителям задачу его воспитания в национальном народном духе⁷.

Автор выражала доминирующую тогда среди «чистых» эмигрантов точку зрения, что ребенка следует обучать и воспитывать только на утраченном, дабы сохранить шанс к продолжению и возрождению.

Акинфиева нацелена на сплачивание эмигрантского сообщества. Эта стратегия шла в противовес его «размыканию» для русско-немецких контактов. В замкнутом анклавном сообществе была резко повышена степень «межпоколенной культурной трансмиссии», направленной на (с)охранение традиции о прошлом. В нем жили, надеясь выжить и возродить родину [9 с. 88]. В учебник «Хочу читать!» заложено монокультурное преподавание языка возврата и реставрации.

В 1920-е гг. такая интенция в Берлине преобладала. В 1930-е она начала размываться. Показательно, что Немецко-русская школа (Deutsche-Russischen Höheren Schule), созданная на основе объединения в 1931 г. школы св. Георга в Вильмерсдорфе и школы в Шарлоттенбурге, опиралась в своей практике на активное двуязычие учащихся, что, вероятно, соответствовало если не духу, то времени [21].

Букварь Акинфиевой не знает диалога со страной пребывания. Его отсутствие отражает на уровне учебника ту особенность многих эмигрантских анклавов русских в Европе, когда выстраивался такой образ жизни, в котором как бы совсем незаметна нация, рядом с которой живут изгнанники. Эмигранты в Париже, Берлине, Белграде и других городах вели себя так, словно рядом не существовало ни французов, ни немцев, ни сербов⁸. Поэтому большинство географических и личных имен в учебнике – российские («Россия–

⁷ Акинфиева Е. *Хочу читать!* 1-е изд. Берлин, 1922.

⁸ Например, Р.В. Полчанинов пишет в своих воспоминаниях, что сербский язык никак не изучался в русских учебных заведениях, вывезенных в Сербию [22].

наша родина», Нева, Кама, Волга, «Киев—мать городов русских»; Алеша, Андрей, Борис, Боря, Вавила, Варвара, Вася, Вова, Галя, Ганя, Герасим, Гриша, Даша, Елена, Женя, Зина, Иван, Коля, Лева, Лиза, Липа, Луша, Маланья, Маша, Митя, Миша, Мишуха, Мура, Надя, Наташа, Никита, Николай, Нина, Нюра, Оля, Павел, Павлуша, Паша, Петя, Раиса, Савва, Саша, Сережа, Сима, Федот, Фекла, Шура, Юра, Яков, Яша). В этом обилии полностью теряются единоразовые упомянутые немка Ева и француз Жорж.

Букварь демонстрирует ученику среднерусскую природу, ушедшую дворянскую и крестьянскую культуру. Большинство иллюстраций показывают деревенский быт в России: избу в разные времена года, ее интерьер, танцы рядом с избой, старую женщину на завалинке у входа, жатву, отставного солдата, обучающего детей под березой у сарая, и т. д. Другие реалии, тоже хорошо узнаваемые, российские: казак на лошади, здание русской православной церкви – и самой по себе, и покидаемой эмигрантами⁹, и т. п. Только два небольших рисунка выбиваются из основного визуального ряда: трубочист¹⁰ и дом, в котором ему работать¹¹.

Детство русскоязычного жителя Берлина 1922 г. для Акинфиевой – это детство до 1917 г., «детство до» вместо «детства после». Принцип «задом наперед» характерен для многих букварей зарубежной России. В них возникает своего рода «постсубъектность» ученика, когда педагог, опирающийся на воспоминания, рождает учебник для детей, стремясь сформировать у них по возможности ту же субъектность, какая была у него – ребенка до революции, но в ситуации «пост».

Русский язык становится в данном случае такой «одеждой», которая предохраняет обучаемого от окружающего мира и ведет его в сконструированный «детский отсек» эмигрантского корабля. Язык становится стенками ковчега, в котором можно переждать захлестнувший родину потоп. Родная грамотность представлена в нем основой всему. В контексте учебника об этом говорят слова Л. Майкова:

Посмотри: в избе мерцают, / Светит огонек; / Возле девочки-малютки / Собрался кружок. / И с трудом, от слова к слову / Пальчиком вода, / По печатному читает / Мужичкам дитя. / Что-ж так слушают малютку? / Иль уж так умна? / Нет, одна в семье умеет / Грамоте она¹².

⁹ Акинфиева Е. Хочу читать! 2-е изд. Берлин, 1922. С. 46, 47.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же. С. 56.

К тексту дана иллюстрация – читающая девочка за столом в избе. Ее слушают трое взрослых и особенно внимательно – мальчик чуть помладше чтицы. Русскость, по мнению изгнанников, коренится в сельской дореволюционной культуре. Мальчик в косоворотке – своего рода «Ванька Жуков наоборот», не отправленный в растленный город к пролетариям, разрушившим Россию, но сохранившийся в деревне чистым и тянущимся к учению.

Учебник Акинфиевой опирается на идею необходимости сильного вертикального взаимодействия поколений, максимального доверия к старшим. Защита внутри семьи, онтологическая значимость негативных последствий непослушания делается средоточием читательского внимания. В эмигрантском сообществе решение вопроса о контроле за поведением детей представляло серьезную проблему. Младшие не понимали необходимости эмиграции. «Зачем вы меня сюда привезли?» – вопрос звучал в глазах детей, и взрослым необходимо было найти на него ответы. Тем более что старшие воспринимались как неудачники в глобальном и местном масштабе [23; 24 с. 123]. Из-за психологических проблем травмы исхода и экстремальной занятости, ограничения в ресурсах у взрослых почти не оставалось сил на детей, на конструирование ближайшего пространства для их развития. Повсеместны безнадзорность, проблемы с воспитанием и поведением, гениально и лаконично обрисованные, например, в рассказах Н.А. Тэффи.

Разорванность или, наоборот, сохранность семейных связей у эмигрантов по-разному влияла на их социальную инклюзию либо эксклюзию в принимающем обществе. Интеграция в новый мир происходила легче при слабости внутрисемейных и внутрианклавных уз поддержки. Наличие сильных межпоколенческих связей помогало консервации подрастающих поколений внутри памяти о традициях и потерях. Беженцы 1920-х гг. очень важным полагали сохранить себя, не потеряться в денационализации. Подчеркнутые в букваре связи родителей и детей компенсировали чувство вне-находимости. Они создавали «детство на острове», которое могло существовать только внутри эмигрантской субкультуры. В семье видели цитадель, школу и церковь, а школу преобразовывали в церковь, семью и цитадель. Внутренний режим многих русских школ за рубежом имел с последней явное сходство.

Центром «сопротивления» ассимиляции и растворению была выбрана семья. Поэтому одним из главных в букваре дано стихотворение А. Плещеева о матери. Оно помещено вместе с иллюстрацией, изображающей мать как ангела над люлькой в дворянской семье. Показан ребенок, родившийся после исхода. Пришедший в мир без прислуги. Обретший защиту и заботу в маме. Тема матери

и семьи проходит через многие тексты букваря. Первое слово в букваре – «мама». Рядом с молящимся ребенком на другом рисунке на той же странице изображена кормящая младенца мать¹³. Первая фраза – «Мама сама». Рядом с этой фразой – рисунок сердца¹⁴. Обращение мамы следует далее по всему букварю. Прорабатывается ощущение безопасности, которое при маме, в родном доме, среди своих. И ответное к ней отношение: «У Оли мама. Мама мила»¹⁵. Сопоставляются статусы: «Мама мила, а Саша мала»¹⁶.

В центре раздела «Статьи для связного чтения», который следует после изучения алфавита и словообразования, находится рассказ «В семье».

В семье. У Коли и у Жени папа имел всегда много работы, был очень занят. Мама была болезненная и слабая. Но все-таки, когда дети возвращались домой из школы, – они чувствовали себя всегда очень счастливыми. Они бежали к матери рассказывать, что они делали в школе, смеялись, шалили. Мать с радостной улыбкой слушала и ласкала их. Услышав детский говор и смех, отец оставлял свою работу и выходил к детям. Дети бежали к нему навстречу, обнимали и целовали его. Мгновенно с его усталого лица исчезала грусть, и он шутил и играл с детьми. Затем он с новыми силами принимался за работу. Дети затихали и не шумели, боясь помешать работе отца¹⁷.

Идеализированная (но не идеальная) картина семьи как центра, единства и опоры для всех ее членов, материализованная из замороженной памяти, сделана парадигмой всего учебника. Опора на связь поколений, на внимание старших к младшим и главное – на почтение младших к старшим заявлена фундаментом эмигрантского детства.

Семья является защитой от всего. Об этом текст «Утром», «заколдовывающий» ребенка на устойчивость ко всем событиям предстоящего дня:

Я просыпаюсь утром в своей теплой постельке. Мама одевает меня, потом моет и причесывает мне волосы. Причесав и умыв меня, она заставляет меня молиться Богу. Я повторяю за ней слова молитвы. Помолвившись Богу, я говорю папе и маме «доброе утро» и иду пить

¹³ Акинфиева Е. Хочу читать! 2-е изд. С. 2, 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 60.

чай. Мама делает мне вкусные бутерброды и чай наполовину разбавляет сливками. Я очень люблю и то, и другое. Папа часто рассказывает мне разные интересные истории из Нового и Ветхого Завета, а также про самых древних людей. Я очень люблю моих родителей¹⁸.

Первичная группа – семья – оказывается тем миром-вселенной, покинуть который невозможно даже при временном уходе в школу (эквивалент семьи) или на прогулку. Она определяет все на свете и воплощает все на свете, не порождая интерес к выходу из нее и не подготавливая к этому. Мир самостоятельной прогулки или полета объявляется опасным для жизни. Образы съеденного в лесу козленка, заблудившегося ребенка, попавшей в тенета паука мухи наставляют не покидать безопасных пределов малой группы и ее заботливых взаимоотношений [4–6].

Детство заявлено реальным детством тогда, когда переносит ребенка во времена детства его родителей. Ключевой текст, характерный для многих дореволюционных букварей и помещенный здесь:

Гнедко. У нас есть лошадка гнедой масти; зовем мы ее Гнедко. Она спокойная и смиренная. Папа сегодня позволил нам прокатиться на ней. Коля и Надя взобрались на спину к Гнедко. Митя покормил его сеном, а я взял его за узду и повел со двора в поле. Гнедко осторожно вез своих седоков, как-бы боясь уронить их. Коля и Надя были веселы и от радости хлопали в ладоши. Когда они вдоволь покатались, я снял их с лошади. Мы принесли Гнедко несколько кусков сахара и угостили им его. Сахар Гнедко ест охотно, так же как и хлеб¹⁹.

Текст и рисунок к нему переносят учеников в детство составителя букваря. Так или иначе, букварь-заповедник предоставляет возможность «переждать» в пространстве языка и памяти до момента возвращения. И в этом смысле он принадлежит к «литературе возврата». Противоположен ему учебник, напечатанный в Ревеле (Таллине).

Эстония: диалог «Азбуки» З.Н. Дормидонтовой

Зинаида Николаевна Дормидонтова (1885–1975) родилась и выросла в семье учителя и православного священника, расстрелянного в 1919 г. большевиками. Обучала русскому языку [25].

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же. С. 40–41.

Подготовила серию учебников, опубликованных в 1920–1921 гг. (хрестоматия «Колокольчики», «Русская грамматика», «Азбука»). В 1920–1930-х гг. идентифицировала себя с русским меньшинством Эстонии. Школьных учебников после 1930 г. не издавала.

При настороженной, подчас негативной, оценке действительности [23, 24] учебник Дормидонтовой оптимистически настроен на диалог с инокультурным окружением. Такой задаче отвечают и его тексты, и иллюстрации. Работы Адальберта Штирена (1880–1974) в букваре Акинфиевой показывали утраченную Русь. Иллюстрации Александра Гринева (1892–1947) в «Азбуке», даже «русские сюжеты», изображают в отстраненной манере экзистенциальных сюжетов без отсылки к конкретной стране. Пейзажи невозможно привязать к природе России, но можно соотнести прежде всего с Прибалтикой. Нарисованные постройки принадлежат к разным этническим традициям, но в основном западно- и центральноевропейским. Среди личных имен – Аарон, Аммон, Ирма, Минна, Нора, Эрн. Таким образом, русский язык не связан обязательно с Россией.

Букварь сразу делит пространство на прежнее и нынешнее. Пространство нынешнего бытия другое. Между ним и прошлым пауза пропасти. Нет магии возврата с помощью букв. «Наум рус. Наум с усами. У Наума сила слона, но сам он мал. У Наума ум. Наума ранили. Нил носил Науму рис и манну. Нил с Наумом росли на Руси»²⁰. Однако с теперешним бытием факт роста Наума и Нила на Руси никак не соотносится. В нынешнем времени и пространстве им важно правильно употреблять русские слова. Оно требует специальной лингвистической поддержки. Поэтому в «Азбуке» приведены вопросы на склонение, спряжение, управление, построение фраз.

В пространстве учебника Дормидонтовой тоже идут «споры о России»²¹, о «России-республике»²², просят «Спеть про старину»²³, но азбука не замыкается на России и старинных традициях, не подчеркивает сакральность того языка, которому учит. Учебник создает для ученика возможность осознать себя живущим здесь и сейчас, в открытом мире, подлежащем освоению. Уже на 17-й странице дано название «эсты» – той нации, среди которой ежедневно находятся обучающиеся русскому языку по «Азбуке» Дормидонтовой. В букваре Акинфиевой нет ни одной отсылки к «немцам» и «германцам». Для Дормидонтовой жить в своей стране и на свободе²⁴

²⁰ Дормидонтова З.Н. Указ. соч. С. 11.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 21.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Там же. С. 65.

совмещается с культурным диалогом разных народов. Несвобода своей страны обосновывает жизнь в других. С этим согласилась бы и Акинфиева. Но беседовать с местными жителями было для нее ниже допустимого. Для Дормидонтовой – наоборот. Разговор идет вокруг вопросов, которые затрагивают любого. Языки могут быть разными, но темы и сюжеты – общие.

Раздел «Чтение после азбуки» состоит из рассказов и стихов русских писателей. Большинство из них не привязано к конкретному локусу. Есть неподписанный рассказ об извозчиках в Москве²⁵, но тут же встречаем и рассказ В.Г. Короленко о вспахивании земли в Америке²⁶. Остальные 55 текстов данного раздела никак не привязаны географически. Учебник может быть применен в любой европейской русской школе, если она нацелена облегчить связи ученика с его окружением, какое бы оно ни было. Конечно, при сохранении воспоминаний о России.

Польша: чересполосица

К.М. Кириллова и С.К. Павловича

Если в берлинском учебнике Акинфиевой мы встречаем предыдущую Россию, перенесенную на «бумажных кораблях» учебников в Германию; попытку создать заповедник, ориентированный на неприятие реального окружения; ностальгию острова и формирование на нем мечты о возвращении [6]; если ревельский учебник Дормидонтовой, наоборот, ориентирует вынужденных скитальцев-эмигрантов и лиц, оказавшихся в Эстонии меньшинством, на диалог с культурой и повседневностью страны пребывания, то варшавское пособие К.М. Кириллова и вильненское С.К. Павловича занимают своего рода «среднюю» позицию, частично сохраняя привязанность к утраченному прошлому, а частично создавая настоящее, в котором привязанные к прошлому воспоминания чередуются с картинками и сюжетами, некоторые из которых могли бы происходить в любом месте, а другие происходят в Польше. Диалог с польскими реалиями показан в спокойном, дружественном и позитивном ключе. Это противоречит закрепившемуся в историографии тезису об исключительно тяжелых условиях, в которых находилась русская школа в Польше [26 с. 118–137]. Увольнения, арест Павловича как деятеля белорусской школы, изъятия его учебников как факты реальной биографии не отразились на модели диалога

²⁵ Там же. С. 61–62.

²⁶ Там же. С. 75.

с государством, культурой, экономикой, социальной жизнью Польши, внесенной им в его учебник для русских²⁷. Учебник Кириллова в меньшей степени, но также помещает диалог с польским языком и контекстом в свой текстовый и визуальный ряд.

Хронологически первой из двух польских изданий вышла «Русская азбука в картинках» Кириллова – по-видимому, дважды: в 1930 (конце 1929) и в 1935 гг. в Варшаве и, вероятно, в Бресте, который в те годы входил в состав польского государства. Выходные данные по месту издания рознятся даже на тираже одного года. Вероятно, учебник печатали частично в Варшаве, частично в Бресте.

Биографические данные о К.М. Кириллове, как и об Акинфиевой, пока не найдены. Даже для дотошных польских библиографов, в чьих собраниях сохранился данный учебник, фигура его автора остается загадкой. Поэтому мы не можем сказать, был ли он эмигрантом или принадлежал к русскому населению Польши, которое с ее возрождением в 1918–1922 гг. как самостоятельного государства оказалось на положении не всегда признаваемого меньшинства. Таким образом, он может быть и собратом Акинфиевой, и собратом Дормидонтовой по своей биографической истории.

Учебник «Русская азбука...» начинается иллюстрированной азбучной частью, где крупные рисунки букв, их печатный и рукописный варианты сопровождаются рисунками существ и предметов, чьи названия начинаются на данную букву, и подписями к ним²⁸. Вполне в духе российских, польских, немецких азбук XIX в. перечень открывает слово «ангел». В ряду предметов наблюдается смешение вещей вне какого бы то ни было контекста (лампа, ножницы, щетка, шило, экипаж, юла), с европейским контекстом (утюг, фонарь, церковь), с российским (хата). Визуальный ряд представляет собой попытку заполнения образного контекста с сильным символическим значением («родная хата» и язык), наблюдаемым в другой культуре предметным интерьерным и архитектурным комплексом. Включен алгоритм переноса понятия «родной дом-хата» на

²⁷ *Маракоў Л.У.* Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі, 1794–1991. Энцыклапедычны даведнік: У 10 т. Мінск, 2003. Т. 2. 380 с.; *Он же.* Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і аркоўнаслужыцелі Беларусі, 1917–1967: Энцыклапедычны даведнік: У 2 т. Мінск: Беларускі Экзархат, 2007. Т. 2. 648 с.; Сяргей Канстанцінавіч Паўловіч – беларускі багаслоў, педагог, перакладчык [Электронны ресурс]. Мінск: Беларуская цифровая бібліятэка LIBRARY.BY, 17 февр. 2003, URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1045495554&archive=refhis1126089824&start_from=&ucat=& (дата обращения 12.05.2019).

²⁸ *Кириллов К.М.* Указ. соч.

«ставшие своими окружающие предметы». В результате понятие-образ «хата» приобретает метафоричное, неточное определение. Моделируется ситуация, когда любой дом/квартира может через внутреннюю значимость определяться и восприниматься «своей хатой». И в каждом доме/квартире увидят «ту самую хату».

После азбучной части следует краткое чтение по слогам и отдельных слов. Оно переходит в чтение автономных фраз, большинство из которых – пословицы, а небольшая часть – скороговорки. Прием опоры на пословицы в XIX – первой трети XX в. был в учебниках распространен [27,28]. Например, он был применен Л.Н. Толстым в первой версии его «Азбуки». Однако набор пословиц, поговорок и афоризмов у Кириллова иной, не как у Толстого. Среди первых пословиц – темы обучения («Наука не мука») и родины («Своя хатка – родная матка», «Без хозяйна дом сирота»). С первых пословиц подчеркнута тема жизненности доброго начала («Добро не умрет, а зло пропадет»), также нехарактерная для первых пословиц дореволюционных букварей. Лексикон пословиц включает опознаваемые российские реалии (кушак, изба, лапотник, калач). Они встроены в массив пословиц, взятых из словаря В.И. Даля, но так, чтобы поговорки могли быть применимы в любой обстановке и ситуации («Других не суди, на себя погляди», «Ученый водит, а неученый следом ходит» и т. д.). Сборник пословиц обработан так, что результат выборки приложим к новой обстановке и к любым новым реалиям. Они не обозначаются как польские, но создают почти не идентифицируемое пространство (за исключением немногих вышеупомянутых этнических терминов).

За отдельными фразами пословичного блока идут короткие сюжетные прозаические и поэтические тексты – послеазбучная книга для чтения. В нее включены фрагменты народных сказок, популярные отрывки из А.В. Кольцова («Песня пахаря»), К.Д. Ушинского («Плохо без матери: забежал Коля к соседу...»), Д.С. Мережковского («Детям») и других авторов. Собрание авторских текстов в большей степени соотносено с культурным и фольклорным наследием утраченной родины. Однако и данные фрагменты выбраны так, чтобы эта связь не была очевидной и бросающейся в глаза, резко напоминающей о себе. Зимнее катание с гор, примеривание большой отцовской шапки, потеря мамы на ярмарке, картина неухоженных детей вдовца, озноб сиротки, помогающая нести вязанку смерть, страх от звуков теста в квашне, песня пахаря, просьба лошади, картина осени и «нашей коровы», непослушные ягнята, лиса-монахиня, рождественская ель – эти и другие сюжеты, нарисованные русской литературой, могут происходить где бы то ни

было. Среди них нет ни одного, который был бы специфически и однозначно характерен именно для России. За последним текстом в подборке («Детьми» Мережковского) следуют принятые в европейской практике римские цифры, далее таблица умножения, перечень месяцев и алфавитный ряд с фонетическими переводами на польский («Февраль – Люты (Luty)», «Щ щ Szcz szcz»). Если начальный текст о грамотном внуке неграмотного Федота, живущего в деревне («Горе» И.З. Сурикова), вызывал ассоциации именно с российскими реалиями, то далее они ослабевают, а вневременная и внеконтекстная поэзия Мережковского, завершающая текстуальный канон, выводит читателя в общеевропейский пласт рождественских смыслов. Учебник Кириллова выполняет таким образом функцию «детоводителя», который подводит не только своих юных читателей, но и их взрослых наставников и слушателей к той грани, через которую уже можно ощутить пульс жизни в стороне пребывания, но остается еще на той «родной стороне», где Акинфиева. В нем есть следы диалога, но еще нет самого диалога. Это своего рода «слабый транслятор» между «заповедником» букваря «Хочу читать!» Е. Акинфиевой и «собеседником» азбуки З. Дормидонтовой²⁹.

Другой учебник, изданный Культурно-просветительной комиссией Совета Союза русских меньшинственных организаций в Польше, показывает другую версию примерно того же синтеза. Она в большей степени привязывает к прежним российским реалиям, но и довольно резко вводит реалии иного рода. Противостояние прошлого, родного и настоящего прописано намного сильнее. Оно видно и в визуальном ряду учебника, и в его текстуальной составляющей.

²⁹ На такую трансляцию нацелено и соотношение обложки и титула учебника. Однако эта задача выполнена художником своеобразно. Обложка учебника создана в стиле дореволюционных азбук и букварей, а для титула перерисована картинка советского (!) школьного класса с занимающимися детьми и обилием развешанных по стенам графиков, таблиц соревнования, призывов и стенгазет. Возможно, для титула использована иллюстрация либо из журнала, либо из какого-либо учебника, изданного в СССР. В середине – конце 1920-х гг. советские учебники еще могли пересекать границу. Целью такого «сдвига» от обложки к титулу, по-видимому, была задача показать движение времени от начала века к современным реалиям. Рисунок на титуле не подчеркивает, что изображает именно советскую школу, в текстах нет ни слова о новом строе на старой родине, но переход от обложки к титулу явно несет в себе модернизационное послание ученикам, призывающее встраиваться в современность, ушедшую вперед от деревенской неграмотности.

«Русская грамота для школы и семьи. Букварь для обучения письму и чтению, составленный по новейшему методу и по новой орфографии, с указанием особенностей старой орфографии» составлен Сергеем Константиновичем Павловичем (1875–1940) и дважды издан в Вильно (в 1936 и 1938 гг.)³⁰. Выходец с белорусско-литовских территорий России (с 1921 по 1939 г. они уже находились в составе Польши), выпускник Киевской духовной академии, как преподаватель Закона Божия он работал в Виленской белорусской гимназии. Павлович отстаивал интересы белорусского образования в Польше как образования автономного меньшинства. Он не был сторонником БССР³¹. Если З.Н. Дормидонтова идентифицируется с русским меньшинством в Эстонии, то Павлович – с белорусским меньшинством в Польше, находившимся между поляками как большинством и русскими как имевшими в Польше статус ниже белорусов. Он был автором ряда белорусских учебников для начального обучения грамоте и по Священной истории. Возможность составить учебник для русского населения была воспринята Павловичем в контексте борьбы за сохранение в школе кириллического шрифта³².

Визуальный ряд его пособия (иллюстрации Вячеслава Богдановича 1878 – ок. 1941 г., и Власа (?) Отрищенко) состоит из образов, в большинстве своем построенных на основе деревенского быта дореволюционной России. Эти иллюстрации скопированы или созданы на основе применявшихся в учебниках предыдущей эпохи. Мы видим русскую избу изнутри и снаружи, знакомимся с обитающими в ней персонажами – детьми и взрослыми, нянчащими, пашущими и пасущими скот, читающими, стирающими, играющими, дразнящимися, косящими и убирающими сено, пилящими дерево, кормящими кур, доящими корову, прядущими нить за традиционной прялкой, едущими на санях, устраивающими пасеку, наблюдающими у амбара за перелетными птицами и птицами,

³⁰ Павлович С.К. Русская грамота для школы и семьи... Вильно, 1936; *Он же*. Русская грамота для школы и семьи... 2-е изд. Вильно, 1938.

³¹ *Маракоў Л.У.* Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі, 1794–1991. Т. 2; *Он же*. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнны і царкоўнаслужыцелі Беларусі, 1917–1967. Т. 2; Сяргей Канстанцінавіч Паўловіч – беларускі багаслоў, педагог, перакладчык [Электронный ресурс]. Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 17 февр. 2003, URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1045495554&archive=refhis1126089824&start_from=&ucat=& (дата обращения 12.05.2019).

³² Благодарим Ю.Э. Шустову за любезную консультацию по биографии С.К. Павловича.

поедающими рассыпавшееся зерно... Апофеозом русскости выступает картина «Грачи прилетели»³³. Однако временами среди таких картин читателя встречаются и другие образы: мальчика и девочки, убирающихся в помещении явно не избы (хотя рядом на других картинах изображена именно она), одетых совсем не по-крестьянски³⁴, марширующих иноземным строем³⁵. Взрослые мужчины, сажающие дерево, убирающие капусту, идущие по улице, одеты в европейские головные уборы³⁶. «По-западному» выглядит рынок³⁷. Автобус на той же страничке, поезд на другой³⁸ и аэроплан на третьей³⁹ связывают деревенский поселок, где встречаются и украинские хаты⁴⁰, с городским пространством. Оно принадлежит Варшаве и в то же время особое, свое⁴¹. Изображенный на нескольких фото город Вильно по имени не назван. По идее, он может находиться как в нынешней Польше, так и в добольшевистской России. В иерархии пространства между селом и городом находится мельница, куда подведено электричество и которая устроена совсем не так, как в России⁴².

Текстуальный канон учебника также двойственен и даже тройственен, так как отражает реалии дореволюционные, советские и польские. К дореволюционной школьной атмосфере можно отнести, например, такой текст: «Все идут в зал. Будет молитва. Сразу шум затих. В углу зала образ. Зажжена лампада»⁴³. Рядом с ним – совсем иное описание, пришедшее, как мы полагаем, из советского учебника 1920-х гг. с его «нашизмом» в педагогическом дискурсе [29]: «Наш класс. Наш класс хорош. Потолок высок. Полы выкрашены. Окна широки. Посреди класса парты, стол и стул. На стенах картинки, наши рисунки, плакаты. На окнах наши вазоны»⁴⁴. Вместе с лисой, таскающей рыбу у мужика, детьми, играющими «в кота и мышку», мы встречаем сцену со школьным доктором, читаем о мощеном «в местечке» рынке и «доме хорошего хозяина Зайко», крытом железом, об

³³ Павлович С.К. Русская грамота для школы и семьи... С. 79.

³⁴ Там же. С. 2, 9 и сл.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ Там же. С. 18, 23, 37.

³⁷ Там же. С. 51.

³⁸ Там же. С. 61.

³⁹ Там же. С. 92.

⁴⁰ Там же. С. 58.

⁴¹ Там же. С. 93, 95.

⁴² Там же. С. 63.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Там же.

аптеке, почте, православной церкви и католическом костеле⁴⁵. Как само собой разумеется, обсуждается работа в чужом огороде на хозяина-татарина, у которого и у самого вся семья работает, выращивая овощи на продажу в городе⁴⁶. Учителя русские – Иван Николаевич и Елена Павловна. Школа изображена находящейся в родном Павловичу селе Ольховка Кобринского повета. В ней учатся (в последовательности появления в учебнике) Жаровы, Скворцовы, Железновы, Чижовы, Кузьмины, Зуйченко, Пащуки, Щукины, Щербаковы, Ежовы, Силичи, Грачевы. Помимо всего остального они изучают герб и гимн Польши, портрет президента и покойного маршала Ю. Пилсудского (1867–1935). Ученики младшей и старшей групп начальной школы ездят на экскурсию в близлежащий город на поезде. Город не назван по имени (по визуальному ряду это Вильно), но там помимо всего другого они смотрят кино о Варшаве как столице⁴⁷, после чего возвращаются в родную Ольховку.

Блок рассказов для чтения поделен на тексты, набранные в новой орфографии (они доминируют), тексты в старой орфографии и церковнославянские тексты. Последним в основном блоке дано стихотворение И.А. Белоусова (1863–1930) 1904 г., атрибутированное И.А. Бунину:

В родных полях иду я по меже широкой
Вдали от города, от сутолки людской;
Высока надо мною в синеве глубокой
Плывут и тают облачка волнистою грядой.

Чуть-чуть лишь ветерок по ниве пробегает, –
И рожь высокая волнуется, шумит;
Головкой синее мне василек кивает,
А кашка белая из зелени глядит.

Жужжит, кружась, пчела, собирая мед душистый
Гудит тяжелый шмель, садясь на цветок;
О, как родных полей мне сладок воздух чистый
И кажется весь мир свободен и широк!..⁴⁸

⁴⁵ Там же. С. 54.

⁴⁶ Там же. С. 44.

⁴⁷ Там же. С. 99.

⁴⁸ Весенние гости: Стихотворения И.А. Белоусова. С рисунками. М.: Изд. редакции журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок»; Тип. К.Л. Меньшова, 1905. 52 с. (Библиотека для семьи и школы)

О причине атрибуции стихотворения Бунину можно только гадать. Белоусов как автор и как переводчик с белорусского и украинского был Павловичу хорошо известен. Вероятно, составителю хотелось поднять статус данного стихотворения и заодно по-особому отметить качество текстов поэта, почившего за пять лет до подготовки Павловичем «Русской грамоты». В стихотворении, звучащем для русскоязычного меньшинства вне России, по-видимому, прочитывался мотив мысленного переноса странника из чужих земель в родные, только и дающие ощущение вселенской свободы и широты. Возможно, этот мотив, характерный для эмигрантской поэзии в целом, напомнил составителю «про давно позабытые светлые дни», и он счел это стихотворение, в принципе совсем не бунинское по стилю, лексику и ритму, настолько «бунинским», что подписал его этим почетным именем. Конечно, мы не исключаем типографской ошибки, но при хорошем знакомстве Павловича с Белоусовым такая ошибка быстро была бы отслежена. Тут скорее ошибка смысловая, полубессознательная.

Учебник Павловича в 1930-х гг. намеренно обостряет существование внутри самого себя и «линии Акинфиевой» на неразрывную связь обучения русскому языку с Россией, и «линии Дормидонтовой» на продвижение в диалоге, которое аналогично дружеской экскурсии в многонациональный город, объединенный жизнью в общем государстве, добрососедским повседневным сосуществованием и в городе, и в местечке. Павлович подходит к вопросу со стороны «общей жизни» и допускает диалог культуры меньшинства с культурой большинства в стране обитания, чего Акинфиева себе и своим ученикам не позволяет, а Кириллов допускает только молча.

*Заключение: одна идентичность – возврат,
две – продвижение*

В отборе текстов Акинфиевой, Кирилловым, Павловичем, Дормидонтовой в визуальном ряду рассмотренных учебников можно услышать и разглядеть важные послания и о российской эмиграции первой волны, и о сегодняшнем дне любой эмиграции. Составители и художники выстраивали себя и свои послания русскоязычным ученикам, адресуя их ребенку и тем взрослым, которые будут вместе с ним осмысливать детство в новой стране рассеяния: опираясь на память и/или на диалог. Четыре проанализированных нами примера демонстрируют разные варианты отношения к прошлому и настоящему, отчужденности от прошлой и нынеш-

ней культур. Они направлены либо на возвращение в единство из рассеяния, на дефрагментацию языка и культуры, либо на обоснование, нахождение себя и продвижение в новом мире. Репрезентированы парадигмы монолога, полумонолога, полудialogа, диалога.

В одном из вариантов школьный учебник представляет собой «литературу возврата». Будучи нацелен на максимальное сохранение и передачу культурного наследия утраченной страны через грамотность на родном языке, он создает модель острова-ковчега, предохраняя от контакта с враждебной и опасной средой стран рассеяния [7,6]. В почти чистом виде такой вариант мы увидели в букваре Акинфиевой. Гирлянда кириллических букв на обложке, «подключающая» детей к утраченной родине с ее полями, озерами и лесами, замыкает их на вечный возврат к ее источникам и родникам. На повестке дня не связь с окружающим миром, а сохранение этнической культуры. Название «Хочу читать!» означает «хочу читать только на русском и только ради связи с потерянной страной и родиной».

В другом случае школьный учебник становится «литературой невозврата и диалога с окружением», как у Дормидонтовой. В нем показано, что залог успеха в контакте с соседями. В третьей и четвертой версиях мы встречаем «литературу возвращения с помощью изоморфности» изучаемого канона (учебник Кириллова) и «литературу невозврата на основе включения своей культуры в общую жизнь» другой страны (учебник Павловича). Учебники Павловича и Дормидонтовой допускали не одну и не обязательно стабильную культурную идентичность в своих учениках (в неравных или равных долях). Учебники Кириллова и Акинфиевой допускали только одну идентичность, наследственную и стабильную, учитывающую или не учитывающую другие.

У каждого из авторов был свой взгляд на целостность личности эмигранта [30]. Не только художественная литература русского зарубежья, но и учебная вносили свой особый вклад в осмысление отделенности и в поиске стратегий совладания с ней. Одни издания чаяли возврата и потому шли путем воспитания исключительности. Другие допускали включение в мультикультурный контекст при сохранении на новом месте собственной самости. Невозможно доказать, но, по-видимому, выбор первого учебника становился подчас выбором своей судьбы, принадлежавшей или не принадлежавшей блистательно эссенциализированному прошлому⁴⁹.

⁴⁹ Термин «эссенциализированное прошлое» мы заимствуем у С. Холла, применяя его в сходном, но не идентичном значении [1 с. 225].

Благодарности

Работа над статьей поддержана грантами РФФИ 17-06-00071а/ОГН и 17-06-00288а/ОГН.

Acknowledgements

Work on the article was supported by grants of the Russian Foundation for Basic Research 17-06-00071a/OGN and 17-06-00288a/OGN

Литература

1. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Williams P. & L. Chrisman, eds. Colonial discourse and post-colonial theory. N. Y.; L.: Columbia University Press, 1994. P. 222–237.
2. Mateja Ribarič, Barbara Iršič, Marinka Krenker, et al. Begunsko šolstvo v 20. stoletju – naše in pri nas. Print book. Slovenian. Ljubljana: Slovenski šolski muzej, 2002. 162 lb.
3. Бабкина Е.С. Русскоязычный иллюстрированный журнал для детей младшего возраста «Ласточка» (Харбин, 1926–1945 гг.) // Детские чтения. 2015. № 1 (007). С. 145–167.
4. Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. Практика учебного книгоиздания в русском зарубежье: берлинский вариант // Историко-педагогический журнал. 2017. № 2. С. 159–180.
5. Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. «Кто сохраняет словом образ дорогой»: учебники начальной грамоты в педагогике эмиграции 1920–1930-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия IV: педагогика, психология. 2017. № 4 (46). С. 48–66.
6. Безрогов В.Г. Буквари Русского Зарубежья 1920–1940-х годов // Дорогой друг: Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов / Под ред. В.Г. Безрогова, Т.С. Маркаровой, А.М. Цапенко. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 146–174.
7. Козлова М.А. Межпоколенная трансмиссия паттернов группового сплочения в разных социокультурных контекстах: на примере букварей для детей русской эмиграции и Советской России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 124–139.
8. Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. Включение в исключение: добровольная самоэксклюзия в учебниках российских эмигрантов 1920-х годов // Детство: полнота бытия в обществе риска: Сборник научных трудов. СПб.: Астерион, 2018. С. 285–292.
9. Козлова М.А. Школьная книга как инструмент адаптации и интеграции меньшинств: стратегии межпоколенной культурной трансмиссии в букварях русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2018. Т. IV. № 49. С. 88–103.
10. Димяненко А.А. Особенности издания детской книги русского зарубежья в 1920–1940-е гг. // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 95–104.

11. Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.) / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ДРЗ им. А.И. Солженицына, 2017. 594 с.
12. *Kratz G. Russische Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg* // *Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg* / Eds. T. Beyer, G. Kratz, X. Werner. Berlin: Arno Spitz, 1987. S. 39–141.
13. *Магидова М.* Под знаком каталогов и материалов к... В.Н. Тукалевский и русская книга за рубежом: 1918–1936 гг. СПб.: Симпозиум, 2016. 800 с.
14. *Динерштейн Е.А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М.: НЛО, 2014. 448 с.
15. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. 488 с.
16. Педагогическая библиография российского зарубежья (20–50-е годы XX века) / Под ред. и со вст. ст. Е.Г. Осовского. Саранск: МордГПИ, 1999. 56 с.
17. «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931, № 1–34): указатель содержания / Сост. Е.В. Короткова. СПб.: Сударыня, 2009. 130 с.
18. *Preindl N. Russische Kinderliteratur im europäischen Exil der Zwischenkriegszeit.* Frankfurt/Main: Peter Lang, 2016. 278 S.
19. Русская печать в азиатско-тихоокеанском регионе: В 4 ч. / Сост. П. Полански. М.: Пашков дом. Ч. 1. 2015. 213 с. Ч. 2. 2015. 156 с. Ч. 3. 2016. 144 с. Ч. 4. 2016. 360 с.
20. *Седова Е.Е.* Детская литература в русском зарубежье «межвоенного» периода как средство национального самосохранения // *Материалы Международной научной конференции «Чтение на просторах детства: опыт России и мира».* Доклады Научного совета по проблемам чтения РАО. Вып. 8 / Сост. Ю.П. Мелентьева. М.: Канон+, 2013. С. 146–163.
21. *Basler F. Die deutsch-russische Schule in Berlin: Geschichte und Auftrag; Beiträge zur Geschichte der Russischunterrichts.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. 98 S.
22. *Полчанинов Р.В.* Мы, сараевские скауты-разведчики. Югославия, 1921–1941. М.: Посев, 2015. 288 с.
23. *Безрогов В.Г.* Презентация реальности в букварях русской эмиграции первой волны // *Отечественная и зарубежная педагогика.* 2018. № 4 (53). Т. 2. С. 159–170.
24. *Безрогов В.Г.* Первые фразы натруженных строк: двойная реальность в букварях русской эмиграции начала 1920-х годов // *Историко-педагогический журнал.* 2018. № 3. С. 110–134.
25. *Милотина Т.П.* Люди моей жизни / Предисл. С.Г. Исакова. Тарту: Крипта, 1997. 415 с.
26. *Микуленок А.А.* Российская эмиграция в Польше: социально-экономическая, общественно-политическая и культурная деятельность (1917–1939). СПб.: Алетей, 2018. 210 с.
27. *Безрогов В.Г., Келли К.* Пословица в учебнике советской начальной школы // *Учебный текст в советской школе: Сб. ст. / Сост. С.Г. Леонтьева, К.Г. Маслинский.* СПб.; М.: Ин-т логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 386–417.
28. *Безрогов В.Г.* Мини-тексты в учебнике по чтению для начальной школы XX – начала XXI века // *Ценности и смыслы.* 5 (27). 2013. С. 72–82.
29. *Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г.* «Все разделилось вокруг на чужое и наше»: К вопросу о локальном/глобальном в учебнике начальной школы 1900-х –

- 2000-х гг. // Конструируя детское: филология, история, антропология / Под ред. М.Р. Балиной и др. М.: СПб.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 150–167.
30. Менг К., Протасова Е.Ю. Елена Кхуэн-Белази: «Русский язык мне ближе к сердцу» // Языковые и культурные контакты: Сб. научных трудов. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010. С. 23–28.

References

1. Hall S. Cultural Identity and Diaspora. Williams P. & L.Chrisman, eds. Colonial discourse and post-colonial theory. New York-London: Columbia University Press, 1994. p. 222-237.
2. Ribarič M.; B. Iršič; M. Krenker; et al. Begunsko šolstvo v 20. stoletju – naše in pri nas. Ljubljana: Slovenski šolski muzej, 2002. 162 lb.
3. Babkina E.S. “Swallow”: Russian illustrated magazine for young children (Harbin, 1926–1945 gg.). V: *Children literature miscellany* Publ.; 2015. № 1 (007). p. 145-67. [in Russ.]
4. Barannikova N.B., Bezrogov V.G. Practice of Russian textbook publishing outside Russia: Berlin case. V: *Istoriko-pedagogičeskij zhurnal* [Nizhnij Tagil] Publ.; 2017. № 2. p. 159-80. [in Russ.]
5. Barannikova N.B., Bezrogov V.G. “Who keeps the darling image in the word”: elementary textbooks in the pedagogy of Russian emigration, 1920s–1930s. V: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya. Publ.; 2017. № 4 (46). p. 48-66. [in Russ.]
6. Bezrogov V.G. ABC books of The Russian Abroad of 1920–1940s. V: *Dear friend: Social models and norms in educational literature of 1900–2000*. Pod red. V.G. Bezrogova, T.S. Markarovoj, A.M. Capenko. Moskva: Pamjatniki istoričeskoj mysli, Publ.; 2016. p. 146-74. [in Russ.]
7. Kozlova M.A. The Intergenerational Transmission of Patterns of Group Cohesion in Different Socio-cultural Contexts: the Case of ABC Books for the Children of Russian Emigrants and Soviet Russia. V: *Mir Rossii Russia*. Publ.; 2019. T. 28. № 1. p. 124–39. [in Russ.]
8. Barannikova N.B., Bezrogov V.G. Inclusion in exclusion: voluntary self-exclusion in textbooks of Russian emigrants of the 1920s. V: *Childhood: completeness of being in a society of risk*. Ed. by K. Sultanov. Sankt-Peterburg: Asterion Publ.; 2018. p. 285-92. [in Russ.]
9. Kozlova M.A. The schoolbook as a tool for adaptation and integration of minorities: strategies of intergenerational cultural transmission in the primaries of Russian emigration of the 1920s–1930s. V: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya. Publ.; 2018. T. IV. № 49. p. 88-103. [in Russ.]
10. Dimjanenko A.A. Main features of the publications of Russian children's books abroad in the 1920s–1940s. V: *Children literature miscellany* Publ.; 2015. № 2 (008). p. 95-104. [in Russ.]
11. Publishing business of the Russian abroad in the 19th and the 20th centuries. Otv. red. P.A. Tribunskij. Moskva: DRZ im. A.I. Solzhenicyna Publ.; 2017. 594 p. [in Russ.]

12. Kratz G. Russische Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. V: *Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg*. Eds. T. Beyer, G. Kratz, X. Werner. Berlin: Arno Spitz, 1987. S. 39-141.
13. Magidova M. Under the sign of catalogs and materials to... Tukalevsky and the Russian book abroad, 1918–1936. Sankt-Peterburg: Simpozium Publ.; 2016. 800 p. [in Russ.]
14. Dinershtejn E.A. Blue bird of Zinovy Grzhebin. Moskva: NLO Publ.; 2014. 448 p. [in Russ.]
15. Jovanovich M. Russian emigration to Balkans: 1920–1940. Moskva: Russkij put' Publ.; 2005. 488 p. [in Russ.]
16. Pedagogical bibliography of the Russian abroad since the 1920s till the 1950s. Pod red.i so vst.st. E.G. Osovskogo. Saransk: MordGPI Publ.; 1999. 56 p. [in Russ.]
17. "Russian schools abroad" (Praga, 1923–1931, № 1–34): index. Sost. E.V. Korotkova. Sankt-Peterburg: Sudarynja Publ.; 2009. 130 p. [in Russ.]
18. Preindl N. Russische Kinderliteratur im europäischen Exil der Zwischenkriegszeit. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2016. 278S.
19. Russian editions in Asia and Pacific region in 4 parts. Sost. P. Polanski. Moskva: Pashkov dom Publ.; Ch. 1. 2015. 213 p. Ch. 2. 2015. 156 p. Ch. 3. 2016. 144 p. Ch. 4. 2016. 360 p. [in Russ.]
20. Sedova E.E. Children's literature in the Russian abroad of the "interwar" period as a means of national self-preservation. V: *Proceedings of the International scientific conference "Reading in the vastness of childhood: the experience of Russia and the world"*. Reports of the Scientific Council on reading RAO. Vyp. 8. Sost. Ju.P. Melent'eva. Moskva: Kanon+ Publ.; 2013. p. 146-163. [in Russ.]
21. Basler F. Die deutsch-russische Schule in Berlin: Geschichte und Auftrag; Beiträge zur Geschichte der Russischunterrichts. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. 98 S.
22. Polchaninov R.V. We, the Sarajevo scouts. Jugoslavija, 1921–1941. Moskva: Posev Publ.; 2015. 288 p. [in Russ.]
23. Bezrogov V.G. Presentation of Reality in the Primaries of Russian Emigration of the First Wave.V: *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* Publ.; 2018. № 4 (53). Tom 2. p. 159-70. [in Russ.]
24. Bezrogov VG. Pervye frazy natruzhennyh strok: dvojnaja real'nost' v bukvarjah russkoj jemigracii nachala 1920-h godov. V: *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal*. Publ.; 2018. № 3. S. 110-134. [in Russ.]
25. Miljutina T.P. Peoples in my life. Predisl. S.G. Isakova. Tartu: Kripta Publ.; 1997. 415 p. [in Russ.]
26. Mikulenok A.A. Russian emigration to Poland: socio-economic, socio-political and cultural activities (1917–1939). Sankt-Peterburg: Aletejja Publ.; 2018. 210 p. [in Russ.]
27. Bezrogov V.G., Kelli K. Proverb in the textbook of the Soviet primary school. V: *Educational text in the Soviet school Poslovica v uchebnike sovetskoj nachal'noj shkoly*. Sost. S.G. Leont'eva, K.G. Maslinskij. Sankt-Peterburg-Moskva: In-t logiki, kognitologii i razvitija lichnosti Publ.; 2008. p. 386-417. [in Russ.]
28. Bezrogov V.G. Mini-texts in the textbook on reading for primary school of the XX-beginning of the XXI century. V: *Values and meanings*, 5(27), 2013. p. 72-82. [in Russ.]

29. Barannikova N.B., Bezrogov V.G. "Everything is divided around into someone else's and ours." On the issue of local / global in the primary school textbook of the 1900s-2000s. V: *Constructing children: Philology, history, anthropology*. Pod red. M.R. Balinoj i dr. Moskva-Sankt-Peterburg: Azimut; Nestor-Istorija Publ.; 2011. p. 150-167 [in Russ.].
30. Meng K., Protasova E.Ju. Elena Khujen-Belazi: "Russian language is closer to my heart". V: *Language and cultural contacts. Collection of proceedings*. Vypusk 4. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ.; 2010. p. 23-28 [in Russ.].

Информация об авторах

Наталья Б. Баранникова, кандидат педагогических наук, доцент, Академия социального управления, Москва, Россия; 129344, Россия, Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 3; barannikova@mail.ru

Виталий Г. Безрогов, доктор исторических наук, Институт стратегии развития образования Российской академии наук, Москва, Россия; 105062, Россия, Москва, ул. Макаренко, д. 5/16; bezrogov@mail.ru

Information about the authors

Natalya B. Barannikova, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, Academy of Social Management, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 3, Yeniseyskaya St., Moscow, 129344, Russia; barannikova@mail.ru

Vitaly G. Bezrogov, Dr. of Sci. (History), Institute for Educational Development Strategy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 5/16, Makarenko St., Moscow, 105062, Russia; bezrogov@mail.ru